

ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРОЛОГИИ

DOI: 10.17805/zpu.2019.1.10

Культура vs. свобода: противоборство и взаимодействие

А. Я. ФЛИЕР

*Российский научно-исследовательский институт
культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева;
Московский государственный лингвистический университет*

В статье рассматривается динамика соотношения управляемой культуры, контролируемой и регулируемой культурной политикой, и стихийной культуры, которая развивается свободно в режиме социальной самоорганизации. Определяются параметры управляемости народной, элитарной и массовой культур. Особое внимание уделяется соотношению культуры и свободы и адаптации культуры к свободе как важнейшей тенденции ее современного развития. Актуальность статьи заключается в осмыслении научных оснований культурной политики, которая должна иметь научную основу. Новизна статьи в том, что впервые системно анализируется взаимосвязь культуры со свободой.

Производится исторический обзор запретительных акций со стороны культурной политики. В первую очередь рассматривается история борьбы с ересями и роль государства в решении этой внутрицерковной проблемы. Затем рассматривается институт цензуры как другая запретительная акция культурной политики. Отдается должное и стимуляционным усилиям культурной политики, в частности кампаниям по внедрению в массовое сознание эталонных героев.

Такая направленность культурной политики в истории характеризуется как борьба культуры со свободой. Однако изменившийся характер труда в новое время поменял и вектор отношения культуры к свободе. Теперь культура выступает главным борцом за свободу. Рассматривается, как эта перемена вектора отразилась на культурной политике и какие задачи у нее возникли в новых условиях.

Ключевые слова: культура; управляемая культура; стихийная культура; культурная политика; цензура; свобода

ВВЕДЕНИЕ

Среди множества возможных структурных моделей культуры представляется эвристичной и дихотомия «культуры управляемой» и «культуры стихийной». Управляемой можно считать часть культуры, которая контролируется и регулируется в своем функционировании политической властью. Сейчас процедуру такого контроля и регуляции принято называть «культурной политикой». И хотя это словосочетание появилось сравнительно недавно, культурная политика как политическая практика и как значимая часть государственного управления (преимущественно в вопросах идеологии) существовала с древнейших времен. В свою очередь, стихийная культу-

ра — это та часть культуры, которая не контролируется и не регулируется политической властью, а функционирует в режиме стихийной социальной саморегуляции.

В рамках распространенного в современной науке о культуре ее рассмотрения в трех социальных образованиях — народной, элитарной и массовой культурах (Костина, 2009) — следует отметить, что народная культура практически не управляется политической властью, хотя культурная политика последнего столетия в большинстве стран, как правило, способствовала ее сохранению и воспроизводству. Тем не менее это культура стихийная. Элитарная же культура, наоборот, является культурой преимущественно управляемой, работающей по социальному заказу и обслуживающей господствующую идеологию. Но и в ней имеется часть, сопротивляющаяся такому управлению, обычно называемая «андеграундной культурой», хотя, как представляется, стихийная часть элитарной культуры практически шире, чем «культурный андеграунд» как таковой. Нужно помнить и о том, что в элитарной культуре существует значительный пласт явлений, которые власть пытается контролировать и регулировать, но фактически не может этого сделать (например, знакомые нам всем «бардовские песни», арт-кинематограф и пр.). Этот пласт является фактически стихийным. Ну и наконец, массовая культура фрагментарно и ситуативно функционирует то в управляемом режиме, то в стихийном в зависимости от стечения обстоятельств.

Здесь требуется еще одно уточнение. Каждая из рассмотренных выше культур, в свою очередь, может быть поделена на сегменты художественно-образный, интеллектуально-мировоззренческий, социально-коммуникативный и социально-поведенческий. Так вот, в элитарной культуре контролю и регуляции со стороны власти подвергаются в основном сегменты художественно-образный, интеллектуально-мировоззренческий и социально-коммуникативный, а социально-поведенческий сегмент в основном независим от такого контроля. А в массовой культуре, наоборот, художественно-образный, интеллектуально-мировоззренческий и социально-коммуникативный сегменты сравнительно стихийны, а вот социально-поведенческий контролируется и регулируется властью (например, электоральное поведение населения). Практически то же самое можно сказать и о народной культуре, которая почти не управляется политической властью, но находится под жестким контролем со стороны господствующей религии. И здесь художественно-образный, интеллектуально-мировоззренческий и социально-коммуникативный сегменты сравнительно свободны (за исключением редких случаев их радикального противостояния господствующей идеологии), а вот социально-поведенческий сегмент, т. е. бытовое поведение населения, контролируется и регулируется религиозными органами. Впрочем, в ходе истории эти приоритеты менялись.

Таким образом, разделение культуры на управляемую и стихийную является в большой мере ситуативным, хотя здесь наблюдаются определенные тенденции, задающие генеральную направленность этому процессу.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОБЗОР ЗАПРЕТИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ

Попытки политической власти (племенных вождей) регулировать культурное поведение населения наблюдались с глубокой древности. Антропологи, ведшие исследования первобытных племен, указывали на это неоднократно (см., например: Леви-Стросс, 1980; Малиновский, 2004). При этом предметом властного контроля были преимущественно нарушения в исполнении обычаев. За этим следили строго.

В аграрную эпоху основным выразителем как культурных норм поведения, так и политической идеологии была религия, и естественно, что культурная политика тех времен была в основном связана с силовым обеспечением торжества господствующей религии. Примеры этого известны из истории Древнего Египта и государств Месопотамии (Франкфорт и др., 1984), однако наукой более изучена поддержка государством борьбы христианской церкви с ересями (см., например: История ересей, 2007).

Ереси очень трудно охарактеризовать обобщенно по целям и истокам. Здесь имели место и иная интерпретация религиозных текстов, и протест против злоупотреблений официальной церкви, и просто политический протест, и т. п. Все это выливалось в альтернативные религиозные движения, с которыми официальная церковь, естественно, боролась, и в этом ей очень помогало государство. Почему? Потому что религия в эпоху Средневековья была универсальным учением и о Боге, и о власти, и о правилах социального поведения людей, и пр. Конечно, политическая власть была заинтересована в доминировании единого универсального учения и подавлении альтернативных.

Хорошо известна история борьбы с ересями на Западе (см., например: Шпренгер, Инститорис, 1990). Сама церковь собственными вооруженными силами не располагала, поэтому силовую часть борьбы с ересями брало на себя государство. Особенно известен так называемый Альбигойский крестовый поход (1209–1229 гг.), в ходе которого была фактически уничтожена вся провансальская культура, подарившая мировой литературе трубадуров и положившая начало европейской любовной поэзии. В процессе этого похода были учреждены Орден доминиканцев и инквизиция. Последняя сыграла значительную роль в борьбе с ересями и в католической контрреформации. «Ведовские процессы» и аутодафе имели место даже в XIX в. (Льоренте, 1936; Григулевич, 1976). Вместе с тем следственная практика инквизиции была существенно более доказательна и «цивилизована», нежели работа средневековых светских органов дознания. Все познается в сравнении.

Можно ли все это квалифицировать как акты культурной политики? Безусловно, даже учитывая то, что в европейском Средневековье дифференциации политической практики на внешнюю и внутреннюю, культурную и социальную и прочие не было. Однако ереси никакой практической угрозы политической власти не представляли; и участие государства в их подавлении было именно *культурно-идеологической* акцией.

Мы меньше знакомы с аналогичной практикой в России, например с борьбой с так называемой ересью жидовствующих, имевшей место на обочине знаменитой дискуссии иосифлян с нестяжателями (Иосифа Волоцкого и Нила Сорского и их последователей) (см., например: Лурье, 1958). Естественно, никакой связи с иудаизмом эта ересь не имела и была названа так только с целью опорочить ее в глазах населения. Это движение, на мой взгляд, можно квалифицировать как первую попытку *реформации* ортодоксальной церкви, случившуюся в России в конце XV в. (почти за полвека до Лютера). Движение было разгромлено. Самого Нила Сорского не тронули, но его апологеты были жестоко наказаны, включая руководство боярской думы и даже близких родственников царя Ивана III. Современные исследователи считают это движение не столько ересью, сколько просто вольнодумством (Лихачев, 1987: 159). Но культурная политика XV в. и вольнодумство рассматривала как злостное политическое преступление.

Явлением отечественной культурной политики, конечно, было и преследование старообрядцев с конца XVII по начало XX в. Сегодня трудно понять, чем старообряд-

цы были опасны для государства. По всей видимости, основанием для преследования их государственной властью, как и на Западе, было просто культурно-идеологическое родство политической власти и официальной церкви. Политической проблемы для государства в старообрядчестве не было.

На Востоке ереси не преследовались, поскольку восточные религии допускали наличие разных школ и течений в едином учении (например, в буддизме, исламе), но поддержка государством одних религий против других наблюдалась и здесь (скажем, в Китае поддержка конфуцианства против даосизма) (Конфуцианство в Китае, 1982).

Новое время принято отсчитывать от изобретения печатного станка Иоганном Гутенбергом приблизительно в 1440 г. Но одновременно с этим родилось и такое явление культурной политики, как *цензура*. По мнению исследователей, некие аналогии цензуры уже существовали в античную эпоху и в раннее Средневековье (Горяева, 2009). Но настоящая цензура началась именно с появлением многотиражной печатной книги в XV в., и ее первым учредителем опять-таки была католическая церковь. Первые списки запрещенных книг появились еще в конце XV в., а в 1557 г. вышел знаменитый «Индекс запрещенных книг» (*Index librorum prohibitorum*), ставший образцом всей будущей книжной цензуры. Являлось ли это культурной политикой? Несомненно. И вся последующая история цензуры, постепенная ее трансформация из религиозной в политическую, расширение ее от цензурирования печатного слова до цензурирования изображений и даже музыки и т. п. свидетельствуют об этом.

Следует сказать, что процессы управления культурой не ограничивались только запретами. Хорошо известны и случаи, когда власть навязывала населению или его поднадзорной части какие-либо культурные новшества, как правило, полезные. В нашей истории наиболее значимы такие культурные модернизации, как Крещение Руси в 988 г.; культурная реформа Петра Великого — с бритьем бород, переодеванием дворянства в немецкое платье, заграничным обучением и т. п.; огромной заслугой советской власти стала кампания по ликвидации массовой неграмотности и пр. В отечественной истории XVIII–XIX вв. было много событий, которые на первый взгляд воспринимаются как перемены в моде на одежду, а на самом деле за этим стояли значительные повороты культурной политики, перемены в культурной ориентации с Германии на Францию и т. п. Так что культурная политика всегда была многообразна по формам, хотя ее позитивные / стимуляционные акции количественно уступали запретительным.

В XX в. культурная политика тоталитарных стран прикладывала много усилий для создания и демонстрации населению эталонных героев с «правильным» социальным сознанием и поведением. Эти «эталонные» герои книг, кинофильмов, живописных полотен и т. п. превратились в «визитную карточку» тоталитарной культуры. При этом в художественной практике порой имели место выдающиеся достижения, и мы до сих пор восхищаемся некоторыми художественными образами, созданными в то время. Но все это играло определенную воспитательную роль в решении тех идеологических задач, которые ставил правящий режим. Нам это хорошо знакомо по книгам и фильмам советской эпохи (Паперный, 1996; Хренов, 2008). Впрочем, и в культуре демократических стран подобные образцы имеют большое распространение, только их социальное влияние не столь велико.

Здесь еще следует упомянуть и такое направление, как юмористическая культура. Это и народная смеховая культура, и карикатура, и поэтические эпиграммы, и сатирические литературные и драматические произведения, и шуточные песни, и устные

анекдоты и т. п. Все это, несомненно, стихийная культура, хотя культурная политика порой и использует некоторые ее формы в своих идеологических целях.

КУЛЬТУРА И СВОБОДА

Таким образом, управление культурой включает как *запретительный аспект* (преобладавший в истории), так и *стимуляционный аспект* (активизировавшийся сравнительно недавно).

Запретительный аспект управления культурой по существу являлся борьбой политической власти с различными проявлениями свободы, что в первобытную и аграрную эпохи считалось чудовищным нарушением традиций или религиозных установок. В принципе *культура альтернативна свободе*, поскольку культура выражает приоритет *коллективного начала* в социальном устройении, а свобода — приоритет *индивидуального начала* (Флиер, 2017). И в первобытную, и в аграрную эпохи эта несовместимость коллективной культуры и индивидуальной свободы была абсолютной. Но в индустриальную эпоху в культуре (по крайней мере, элитарной) резко возросла значимость творческого подхода к решению стоящих задач (в любой области — художественной, интеллектуальной, социальной, научной, технической и пр.), возросла роль человеческой индивидуальности и т. п., что практически невозможно осуществить без расширения поля свободы как принципа социального устройства.

Европейская культура Нового времени прошла четыре фазы адаптации к свободе (пока четыре; что будет дальше, мы не знаем). Первая — это Возрождение в искусстве, когда осваивалась практика выражения индивидуальности, как личности художника, так и личностей изображаемых им персонажей. Вторая фаза — это Просвещение, когда проблема социальной свободы была осмыслена теоретически. Третья фаза — это рубеж XIX–XX вв. (в России названный «Серебряным веком» культуры), когда произошли резкое расширение свободы творчества и его активизация. И наконец, четвертая фаза — эпоха *постмодернизма* (последняя треть XX в.), когда принципы свободы самовыражения были по-новому отрефлексированы философски и охватили уже все области культуры, как художественной и интеллектуальной, так и информационной (интернет-блоггерство) и социально-поведенческой (например, арт-группа «Война», Pussy Riot, новосибирские «монстрации» и т. п.). Как бы ни относиться к тем или иным конкретным явлениям из приведенного перечня, но это уже принципиально иной уровень свободы самовыражения, к которому постепенно адаптируется культура.

Поэтому не стоит оценивать постмодернизм только как кратковременную модную интеллектуальную игру, которая пройдет без следа. Постмодернизм как интеллектуальная игра уже фактически закончился почти 20 лет назад. Однако он обозначил новый стандарт *свободы культурного самовыражения*, который большинство населения еще не в состоянии воспринять адекватно, но через какое-то время этот стандарт станет обыденной культурной нормой.

Конечно, понятие «свобода» очень условно. В моем понимании свобода — это баланс соотношения индивидуального и коллективного начал в культуре того или иного сообщества в ту или иную эпоху (Флиер, 2018b: Электронный ресурс). Потому процесс исторической адаптации культуры к свободе по существу означает тенденцию возрастания объема и значимости индивидуального начала в культуре при сокращении коллективного и преодоления традиционных ограничений этого индивидуального начала.

Основные исторические ограничения, которые современная культура стремится преодолеть, сосредоточены в трех сферах: 1) этнические и социальные традиции; 2) религия; 3) актуальная политическая идеология. Но «стремится преодолеть» не означает, что «отрицает вообще». Культура не отрицает значимость этих сфер и их принципов, а возражает против *обязательности* в соблюдении этих принципов. Кому нравится, тот соблюдает, а кому не нравится, тот имеет право их не соблюдать. Это и есть свобода.

Стимуляционный аспект культурного управления может иметь два вектора: модернизационный, иницирующий содержательное или формальное обновление культуры (как это было, например, при Петре Великом), или наоборот, охранительный, акцентированный на консервации памятников культуры прошлого (что характерно для современной культурной политики России). Хотя каждый из этих векторов преобладает в той или иной культуре временно и ситуативно, тем не менее можно констатировать, что в современной культурной политике в целом по всему миру преобладает охранительный вектор, что получает отражение и в документах ЮНЕСКО (Бордыко, 2000).

Это создает совершенно *новую ситуацию* в соотношении управляемой и стихийной культуры: стихийная становится средоточием новаций, модернизационных интенций, а управляемая, наоборот, средоточием охранительства, сбережения истории и т. п. Конечно, при этом нужно помнить, что под стихийной культурой, ориентированной на новацию, имеются в виду неуправляемые части элитарной и массовой культур. Народная культура остается крайне консервативной, но она большого социального влияния сейчас не имеет, а искусственно воспроизводится в своей художественной части главным образом из идеологических соображений.

В этом видится очень важный исторический тренд. Если в прошлом стихийной была преимущественно народная культура, олицетворявшая собой тенденцию *культурной устойчивости*, то сейчас стихийной являются в основном массовая и некоммерческая элитарная культуры, олицетворяющие собой тенденцию *культурной изменчивости*. Я полагаю, что историческая динамика культуры и заключается прежде всего в постепенном переходе от доминирующей культурной устойчивости к доминирующей культурной изменчивости.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Современная культурная политика, как представляется, является инструментом внедрения *государственной идеологии* в сознание населения и воспитания его *политической лояльности*, однако делается это в максимально ненасильственной форме (см. об этом: Флиер, 2018а). Значительные изменения многих параметров массового сознания, произошедшие за последнее столетие, делают уже невозможными грубые запреты неугодных текстов и образов, как это практиковалось тоталитарными государствами в XX в. Теперь вместо грубых цензурных запретов населению предлагается какая-то альтернативная информация, подаваемая в форме, удовлетворяющей его интересы, и в объемах, вытесняющих информацию неугодную. Этому служит определенная государственная политика в сфере СМИ, фактически ставшая частью общей культурной политики. А культурная политика стала много тоньше и изощреннее.

Именно теперь стало наглядно видно, что культурная политика контролирует и регулирует в основном художественно-образный, интеллектуально-мировоззрен-

ческий и социально-коммуникативный сегменты элитарной культуры, а также социально-поведенческий сегмент массовой культуры, а вот социально-поведенческий аспект элитарной и художественно-образный, интеллектуально-мировоззренческий и социально-коммуникативный сегменты массовой почти не контролирует. В причинах этого, конечно, должны разобраться специалисты. Мне представляется, что основная причина такой фрагментарности заключается в том, что принципы и инструменты культурной политики постоянно отстают в своем развитии от развития общественного сознания и не справляются с тотальным контролем. Но мое суждение субъективно; пусть выскажутся специалисты.

Отношения культуры со свободой тоже стали много тоньше. Если раньше культура *боролась со свободой* (обычай против своеволия), то теперь культура выступает основным *борцом за свободу*. Впрочем, если стихийная элитарная и массовая культуры делают это естественным образом, то государственная культурная политика вынуждена не ущемлять интересы свободы, чтобы не растерять доверие населения. В современном постиндустриальном обществе слово «свобода» стало одним из основных *системообразующих понятий* общественного сознания, и не считаться с этим сегодня уже невозможно.

Таким образом, культура стала основным проводником идей свободы, даже несмотря на то, что основной принцип свободы (приоритет индивидуального над коллективным) противоречит основному изначальному принципу культуры (приоритет коллективного над индивидуальным). Почему? Мое объяснение этого метаморфоза заключается в том, что человеческая деятельность в ходе истории становилась все более интеллектуальной, что постепенно вело к росту значимости и эффективности индивидуальных форм социальной активности над коллективными формами, и соответственно роли отдельной личности в деятельности. Но это только моя точка зрения. Может быть, кто-то предложит иное объяснение?..

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бородько, М. В. (2000) ЮНЕСКО: история создания и современная структура // Педагогика. №2. С. 81–89.
- Горяева, Т. М. (2009) Политическая цензура в СССР. 1917–1991. М. : РОССПЭН. 407 с.
- Григулевич, И. Р. (1976) Инквизиция. М. : Политздат. 448 с.
- История ересей (2007) / сост. А. Локтионов. М. : АСТ ; Хранитель. 572 с.
- Конфуцианство в Китае (1982). Проблемы теории и практики / отв. ред. Л. П. Делюсин. М. : Наука. 264 с.
- Костина, А. В. (2009) Национальная культура — этническая культура — массовая культура. «Баланс интересов» в современном обществе. М. : УРСС. 216 с.
- Леви-Стросс, К. (1980) Печальные тропики. М. : АСТ. 576 с.
- Лихачев, Д. С. (1987) Развитие русской литературы X–XVII веков. Эпохи и стили. Л. : Наука. 254 с.
- Лурье, Я. С. (1958) Вопрос об идеологических движениях конца XV — начала XVI в. в научной литературе // Труды отдела древнерусской литературы / отв. ред. А. С. Орлов. М. ; Л. : Наука. Т. 15. 523 с. 131–152.
- Льоренте, Х. А. (1936) Критическая история испанской инквизиции. М. : Соцэкгиз. Т. 1, 2. 732 + 560 с.
- Малиновский, Б. (2004) Динамика культурных изменений. Исследование расовых отношений в Африке // Малиновский, Б. Избранное. Динамика культуры. М. : РОССПЭН. 958 с. С. 5–210.
- Паперный, В. З. (1996). Культура Два. М. : Новое литературное обозрение. 384 с.

Флиер, А. Я. (2017) Философский аспект Нормативной теории культуры, изложенный в тезисной форме // Вестник Московского государственного института культуры. № 5. С. 20–26.

Флиер, А. Я. (2018a) Идеологическая функция культурной политики // Знание. Понимание. Умение. № 1. С. 57–64. DOI: 10.17805/zpu.2018.1.5

Флиер, А. Я. (2018b) Свобода как компромисс между коллективной и индивидуальной культурами [Электронный ресурс] // Культура культуры. № 3. URL: <http://cult-cult.ru/freedom-as-a-compromise/> (дата обращения: 13.08.2018).

Франкфорт, Г., Франкфорт, Г. А., Уилсон, Дж., Якобсен, Т. (1984) В преддверии философии. М.: Прогресс. 238 с.

Хренов, Н. А. (2008) Образы великого разрыва. Кино в контексте смены культурных циклов. М.: Прогресс-Традиция. 536 с.

Шпренгер, Я., Инститорис, Г. (1990) Молот ведьм. М.: Интербук. 351 с.

Дата поступления: 01.09.2018 г.

CULTURE VS FREEDOM: CONFRONTATION AND INTERACTION

A. YA. FLIER

RUSSIAN SCIENTIFIC RESEARCH INSTITUTE FOR CULTURAL AND NATURAL HERITAGE NAMED AFTER D. LIKHACHEV;
MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY

The article examines the dynamics of the ratio of managed culture, controlled and regulated by cultural policy, and spontaneous culture, which develops freely in the regime of social self-organization. It determines the parameters of controllability of folk, elite, and mass cultures. Particular attention is paid to the correlation between culture and freedom and adaptation of culture to freedom as the most important trend of its modern development. The relevance of the article lies in the comprehension of the scientific foundations of cultural policy, which should now have a scientific basis. The novelty of the article is that for the first time the relationship between culture and freedom is systematically analyzed.

The author conducts a historical review of prohibitive actions by the cultural policy. First of all, he considers the history of the struggle against heresies and the role of the state in the solving of this internal church problem. Then he examines the institution of censorship as another prohibitive action of cultural policy. The article also gives credit to the stimulating efforts of cultural policy, in particular, campaigns to introduce model heroes into the mass consciousness.

This orientation of cultural policy in history is characterized as the struggle between culture and freedom. However, the changed nature of labor in modern times has changed the vector of the relation between culture and freedom. Now culture is the main freedom fighter. The author considers how this change of the vector had an impact on cultural policy and what tasks it had under the new conditions.

Keywords: culture; managed culture; spontaneous culture; cultural policy, censorship; freedom

REFERENCES

Borod'ko, M. V. (2000) IuNESKO: istoriia sozdaniia i sovremennaia struktura. *Pedagogika*, no. 2, pp. 81–89. (In Russ.).

Goriaeva, T. M. (2009) *Politicheskaia tsenzura v SSSR. 1917–1991*. Moscow, ROSSPEN. 407 p. (In Russ.).

Grigulevich, I. R. (1976) *Inkvizitsiia*. Moscow, Politzdat. 448 p. (In Russ.).

Istoriia eresei (2007) / sost. A. Loktionov. Moscow, AST; Khranitel'. 572 p. (In Russ.).

Konfutsianstvo v Kitae (1982). *Problemy teorii i praktiki* / ed. by L. P. Deliusin. Moscow, Nauka. 264 p. (In Russ.).

Kostina, A. V. (2009) *Natsional'naia kul'tura — etnicheskaia kul'tura — massovaia kul'tura. «Balans interesov» v sovremennom obsbchestve*. Moscow, URSS. 216 p. (In Russ.).

Levi-Stross, K. (1980) *Pechal' nye tropiki*. Moscow, AST. 576 p. (In Russ.).

Likhachev, D. S. (1987) *Razvitie russkoi literatury X–XVII vekov. Epokhi i stili*. Leningrad, Nauka. 254 p. (In Russ.).

Lur'e, Ia. S. (1958) Vopros ob ideologicheskikh dvizheniiakh kontsa XV — nachala XVI v. v nauchnoi literature. In: *Trudy otdela drevnerusskoi literatury* / ed. by A. S. Orlov. Moscow, Leningrad, Nauka. Vol. 15. 523 p. Pp. 131–152. (In Russ.).

L'orente, X. A. (1936) *Kriticheskaia istoriia ispanskoi inkvizitsii*. Moscow, Sotsekgiz. Vol. 1, 2. 732 + 560 p. (In Russ.).

Malinovskii, B. (2004) Dinamika kul'turnykh izmenenii. Issledovanie rasovykh otnoshenii v Afrike. In: Malinovskii, B. *Izbrannoe. Dinamika kul'tury*. Moscow, ROSSPEN. 958 p. Pp. 5–210. (In Russ.).

Papernyi, V. Z. (1996). *Kul'tura Dva*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 384 p. (In Russ.).

Flier, A. Ia. (2017) Filosofskii aspekt Normativnoi teorii kul'tury, izlozhennyy v tezisnoi forme. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury*, no. 5, pp. 20–26. (In Russ.).

Flier, A. Ia. (2018a) Ideologicheskaya funktsiia kul'turnoi politiki. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, no. 1, pp. 57–64. DOI: 10.17805/zpu.2018.1.5 (In Russ.).

Flier, A. Ia. (2018b) Svoboda kak kompromiss mezhdu kollektivnoi i individual'noi kul'turami. *Kul'tura kul'tury*, no. 3 [online] Available at: <http://cult-cult.ru/freedom-as-a-compromise/> (access date: 13.08.2018). (In Russ.).

Frankfort, G., Frankfort, G. A., Uilson, Dzh. and Iakobsen, T. (1984) *V preddverii filosofii*. Moscow, Progress. 238 p. (In Russ.).

Khrenov, N. A. (2008) *Obrazy velikogo razryva. Kino v kontekste smeny kul'turnykh tsiklov*. Moscow, Progress-Traditsiia. 536 p. (In Russ.).

Shprenger, Ia. and Institoris, G. (1990) *Molot ved'm*. Moscow, Interbuk. 351 p. (In Russ.).

Submission date: 01.09.2018.

Флиер Андрей Яковлевич — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева; профессор кафедры мировой культуры Московского государственного лингвистического университета. Адрес: 129366, Россия, г. Москва, ул. Космонавтов, д. 2. Тел.: +7 (495) 686-13-19. Эл. адрес: andrey.flier@yandex.ru

Flier Andrey Yakovlevich, Doctor of Philosophy, Professor, Chief Research Fellow, Russian Scientific Research Institute for Cultural and Natural Heritage named after D. Likhachev; Professor, Department of World Culture, Moscow State Linguistic University. Postal address: 2, Kosmonavtov St., Moscow, Russian Federation, 129366. Tel.: +7 (495) 686-13-19. E-mail: andrey.flier@yandex.ru